

После Turks & Caicos[1] некоторое время мы с женой стали отдыхать в системе КлубМеда, так сказать, Домов отдыха, напоминающих советские пионерские лагеря, только для взрослых. Преимущество этого типа отдыха от индивидуального заключается в том, что не надо ни о чем думать: ни о еде, ни о жилье, ни о приезде-отъезде. Все заранее оплачено и все организовано на самом высшем уровне, что немножко удивительно. Поскольку организаторами являются французы – народ, не признающий «орднунга» (порядка).

Мы были в шести КлубМедах, каждый из которых имеет специфику. Например, Cancun (Mexico) имеет крокодила Альберта, Напития (Италия) – эвкалиптовую рощу, Turks & Caicos Islands (заморская территория Англии) – не могут делать напитков «пиноколада», Каравелла (Гваделупа, заморская территория Франции) – отличный пляж и песок, Доминиканская Республика (деревня Пунта Канна) – уже не помню, Маврикия (деревня Пуато Каноньер) – какая-то необычная еда.

Меня же потянуло в эти клубы главным образом возможностью пообщаться с народом разных стран и континентов. Оказалось не все так просто.

Для примера привожу первый «заезд» (остальные очень похожи).

Итак, начали мы с КлубМеда в Канкуне, что в Мексике на полуострове Юкатан, куда 60 или 70 миллионов лет назад упал метеорит, с которого, дескать, и началось похолодание, приведшее к вымиранию динозавров.

Решили лететь под Новый год, чтобы в Новый год искупаться в океане. В то время мы еще жили в Англии (под Оксфордом). Раннее утро в Horton-cum-Studley. Такси. Хитроу. Аэропорт.

Мне, как советскому человеку, проклинавшему всяческие очереди и толпы народа в аэропортах, казалось, что на Западе всего этого нет. И действительно иногда в аэропортах все происходит без очередей и нервотрепок. Правда, «иногда» так бывало и в Советском Союзе. Чаще же все наоборот. Тогдашний же хаос в Хитроу был вызван усилением осмотра пассажиров, которое ввели после терактов 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке. Представители Американ эйрлайнс (AA) вежливостью себя не обременяли и обслуживали пассажиров в лучших традициях советского сервиса в аэропортах. Все происходило в какой-то нервной спешке, с почти раздеванием пассажиров. В Майями – место пересадки – столпотворение было еще более грандиозным. Несмотря на повышенную безопасность на самом деле вся проверка была халтурой и при желании можно было провезти все что угодно. Другой самолет, вылетающий в Канкун напоминал нам родной ИЛ-14 1950-х годов. Сервиса нет, но долетели. (Между прочим,

когда через четыре года мы летели в тот же Канкун (но не в КлубМед) через Атланту неразбериха в аэропорту еще более усилилась.

Поскольку это была наша первая поездка в этот клуб КлубМед, то мы из аэропорта сами взяли такси и за 18 ам. долл. доехали до лагеря. Как потом выяснилось, нас ожидал КлубМедовский автобус, который и должен был нас довести бесплатно. В лагере нам дали приличный номер, и отдых начался. Это означало непрерывную еду (рестораны) и питье. Между этими важными процессами купанье и загоранье и бесконечная гульба.

Те, кто работает в КлубМедях называются G.O, что переводится как Умелые организаторы (У.О), которые были действительно мастера на все руки и ноги: умели петь, танцевать и говорить на трех языках (английском, французском и испанском). В этом мы убедились в ходе празднования Нового года. После предновогоднего ужина был организован замечательный концерт, участниками которого как раз и были эти самые У.О. Все представление сопровождалось на 3-х, настроение было новогодним в 30-градусную жару. Правда, следует подчеркнуть, что Канкун по качеству развлечений превосходит все остальные КлубМеды, посещенные нами. То ли особая подготовка и выучка, то ли ребята собрались талантливые, но все подобные спектакли были похожи на профессионально сделанные «шоу». В дальнейшем мы ни разу такого не замечали, а вечерние «спектакли» в других клубах напоминали концерты самодеятельности уровня какой-нибудь деревни Пережопино (есть такая в России), только усиленные пошлостью и «сексапильностью». Так, в Маврикии выступление главного организатора заключалось в стягивание с себя штук десяти плавок, на каждой из которых была наклеены муляжи «мужского достоинства», что как ни странно вызывало бурный восторг у публики. Вообще я заметил, что чем пошлее выступление, тем бурнее прием.

Что же это за публика?

Как я уже сказал выше, на поездки КлубМеды я «клюнул» из-за желания пообщаться с народом. В моем представлении, заложенным еще в советские времена, в таких лагерях быстро приобретаешь множество знакомых, с которыми ты обсуждаешь «все мировые проблемы», потягивая пиво или вино. Помню аналогичный отдых в молодежных интернациональных лагерях в Гянджелике и в Геленжике, когда через день-другой ты знаешь всех и тебя знают все.

В КлубМедах все оказалось не так. Народу действительно много, но он не растворяется в массе, а сохраняет свою «фрагментарность». То есть приехавшие пары, одиночки или группы друзей «тусуются» между собой, не сливаясь с другими парами или группами. Правда, за столом во время еды они обмениваются некоторой информацией ради вежливости типа: когда приехали, насколько и откуда, и как вам здесь? Это из серии разговоров howdoingguesttalk. На этом все ограничивается. Молодежь, если приехала в одиночку, конечно же, находят себе друзей, но ее в таких КлубМедах не так много. Контингент в основном состоит из людей среднего возраста, семейных, хотя попадаются и старушки, отплясывающие модный танец в толпе. Вечером все сидят в баре, потягивая кофе, пиво или коктейль, тупо уставившись в безвоздушное пространство. Все это напоминает парижские кафе, где публика нередко в одиночку может целый день сидеть со стаканом воды, глаза на улице.

Поначалу я эту закономерность не усмотрел и по русской привычке сразу же шел «на контакт». После обычных вопросов «откуда и как» я «углублял» тему, спрашивая, как у вас там работает капитализм, как себя чувствуют бедные и богатые, не созрела ли революционная ситуация? Собеседники, не готовые к такому повороту, немножко обалдевали, а затем что-то мямлили в том смысле, что все у них нормально, и, слава богу, революциями не пахнет.

Но чаще они сами, не ведая последствий, провоцировали меня на социальные темы. Дело в том, что моя жена, отвечая на вопросы, почему-то сразу говорила, что мы москвичи, т.е. русские. На самом деле мы канадцы, жившие в Англии, а ныне в Париже. И наш английский акцент не хуже средне-канадского, поскольку чуть ли не одна треть из них говорит с каким-нибудь акцентом. Канада – эта страна эмигрантов. Но «честность» жены по поводу нашей русскости приводила к тому, что собеседники, желая нам потрафить, поздравляли нас с «коллапсом коммунизма» в России и выражали надежду, что теперь Россия начала процветать. Мне, естественно, в ответ приходилось открывать им глаза на нынешнее «процветание», от чего они приходили в ужас. Такой информации они не слышали. Начинают дико удивляться, а затем утешать нас в том смысле, что, мол, ничего, это временные трудности, так сказать «переходный период» и процветание у России впереди. Я им в ответ, что этот «переходный период» длится уже около тысячи лет. Единственный приличный период – это был период существования Советского Союза. Тут они приходили в ужас, рассказывая нам, что в те времена был тоталитаризм, никакой демократии и все голодали. Спрашиваю, что они читали о Советском Союзе? Читать ничего не читали, но все так считают. Мне приходится рассказывать, что было на самом деле. Они еще в большем удивлении. Затем говорю, что как раз при капитализме в России стало все

плохо, по крайней мере, для большинства населения. Им поневоле приходится защищать капитализм, в котором они тоже мало что понимают. После таких разговоров собеседники обычно старались нас избегать. Зато другие, новички, попадались на ту же удочку. И все повторялось.

Через какое-то время я решил избегать разговоров о России, переключившись на их собственные страны. Удивительно, но и о своих странах они тоже мало что знают. У многих я спрашивал, кто у них самый популярный философ, писатель, поэт и практически никто ничего путного мне не сказал. Разговор об экономике и социальных проблемах (обычно об этом спрашивала жена) сводился к эмоциональным ответам типа: о хорошо, о плохо. Причем все эти «хорошо–плохо» основано на личном опыте, т.к. книг они не читают, а в газетах только рекламу, про спорт и про певцов-артистов. Кто же это такие? Из шестиразового опыта общения с людьми из КлубМеда я понял, что они – это и есть средний класс развитых капиталистических стран, состоящий в основном из людей третичного сектора экономики (госслужащие, работники банков среднего уровня, мелкие и средние торговцы, учителя школ). Эта та самая опора капитализма, которой гордятся его идеологи. Ее главная отличительная черта – не мыслить, не задумываться. Такой классический вариант филистеров, которых в России я называю обывателями. Они специалисты в своих областях (обычно в тех, где не надо особого ума, т.к. работа строится на примитивных алгоритмах), зарабатывающих на статус среднего класса. В большинстве своем они социально пассивны, главное жизненное кредо – заработать достаточно денег, чтобы отдохнуть и использовать их на свое удовольствие. То есть смысл жизни – пожрать, посмотреть и отдохнуть. Книг читать не надо. Идеологически очень благонадежны. Антисоветизм записан на подкорку. Мозги вправлены как полагается.

Нынешний средний класс довольно быстрыми темпами (по историческим меркам) превращается в паразитирующий класс. Конечно же, в этом классе тоже есть градации, свои страты. Внизу – абсолютная безграмотность. В качестве примеров привожу три эпизода, которые мог бы подтвердить статистикой, если бы писал научную статью.

В Гонолулу к нам подсел паренек-француз, недавно начавший работать в системе КлубМеда. Кстати, «подсадка» – это тоже работа: выясняется, как ощущает себя клиент, что ему нравится, что не нравится и т.д. Этот паренек отвечал за спорт и уговаривал нас принять участие в каком-то из водных видов спорта. Каким-то образом речь зашла об Израиле. Вернее, я его почему-то спросил об Израиле. Он в ответ, а что это такое? Отвечаю, что это такое государство, где, между прочим, по легенде родился Иисус Христос. И тут он меня ошарашил: а кто такой Христос? – спрашивает.

Я подумал, что он шутит, все-таки из католической Франции. Но он не отступал, требуя объяснить, кто такой Христос. Я, совершенно пораженный, спрашиваю его, знает ли он про религию христианства. Он в ответ: нет, не знает. А твои родители? Они не религиозны. Но соседи? Понятия не имею, – отвечает. Начинает как бы обижаться и напоминает нам, что он «отвечает» за спорт. Вообще, откуда ты родом? – Из Бретани. Из какой-то типа деревушки-поселка. Правда, оказалось, что он не знает и про Пиаф, и про Матье. Но назвал какую-то музыкальную группу, которую не знали мы.

Мне могли бы не поверить, но при этом разговоре присутствовала моя жена, точнее она также участвовала в этом разговоре. А она никогда никого не обманывает и мне ни дает никогда соврать. Она свидетель.

Вот другой случай. Это уже в Доминиканской республике, в КлубМедях Пунта Канна. Тоже работник Клуба, подсаживается к нам с той же миссией: узнать, что да как. Чтобы поддержать разговор, спрашиваю его, как было во времена диктатора Рафаэля Трухильо, небось, как при Франко в Испании или Муссолини в Италии? Он: а кто это такие? Говорю – фашисты. Он: первый раз слышу. Оказалось, что он ничего не слышал ни про Гитлера, ни про Сталина, ни про Вторую мировую войну. Спрашиваю, а какое у тебя образование. С удивлением узнаем, что он окончил университет в Сантьяго (есть и такой город в ДР, около миллиона человек населения), иностранный факультет (изучал языки). Историю же ему преподавали только в школе, но историю только ДР. А дальше работа, как бы не до чтения. Моим же «глубоким» познаниям он очень удивился и пригласил преподавать у них в республике.

Третий эпизод хотя и не связан с КлубМедом, но тоже в Канкуне, в одной из гостиниц (Эль-Сид). Официант, мексиканец, учуяв, что мы не американцы (мы говорили на русском), спрашивает, откуда мы? – Говорим, – из Парижа. Обычно после этого следуют восклицания: «Как, вы из Парижа! Один раз там был/была, очень красивый город». – Наш же мексиканец молчит. Спрашиваем: Вы что-нибудь слышали про Париж? – Он качает головой. – А о Франции? Есть такая страна в Европе. – Оказалось, тоже не слышал. – Ну и, слава богу, – подумал я. – А то французы думают, что они пуп земли. В этом ничего особенного. Когда в Канкуне мы с женой, пытаюсь найти какую-то улицу, показывали прохожим карту города, они не знали, что с ней делать. Было такое впечатление, что они видели карту вообще в первый раз. (Между прочим, с аналогичной ситуацией я как-то столкнулся в Лиссабоне, когда полицейский не мог показать на карте улицу, на которой мы стояли.[2])

Хочу уверить, что эти эпизоды не уникальны. Таких неграмотных среди среднего класса сколько угодно. Капитализм с блеском сумел взрастить обширный слой

населения, превратив его в глупое стадо. Это как раз то что надо, т.к. стадо не требует перемен и не делает революций. Это-то и хорошо. Что плохо? Стадо расширяется за счет других слоев населения (в частности, за счет высокооплачиваемых рабочих) и может наступить момент, когда все население превратится в стадо. Такое случилось, например, в пору заката Римской империи и среди некоторых цивилизаций доколумбовской Америки. Стада вымерли. Ясно, что в современную эпоху этот процесс не столь прямолинеен, он встроен в другие, нередко, противоположные процессы. Но, тем не менее, опора капитализма загнивает на глазах. Особенно это заметно во время массового танцевального экстаза, когда толпа повторяет движения ведущих, напоминающие тряску больных в сумасшедших домах.

Как верно заметил кто-то из русских, без СССР Запад «оскотинился». А впрочем, если не задумываться, то жить можно, в смысле ...существовать.

Чуть было не забыл. После Канкуна мы с женой на три дня «заскочили» в Нью-Йорк, который нас встретил жутко холодной погодой, которую не растопила даже 5* гостиница Плаза (The Plaza), что расположена в Манхеттене напротив южной стороны парка. Чтобы согреться, мы решили посетить Метрополитен (Музей искусств). В одном из залов я наткнулся на «художников» под фамилиями Дональд Джад (Donald Judd), Клиффорд Стил. (1904–1980 /Clifford Steel/), картины которых состояли из черно-красной мази, а также цвета детских испражнений. В таком же ключе были представлены творения некой Алпы Либерман, рожденной в России. Ну и конечно еще один выходец из России – Марк Ротко, мазию которого я показываю знакомым, открытку с этим творением я специально приобрёл в музее. Никто их спрошенных не догадался ни о сути изображаемого, ни об авторе.

Вообще у людей среднего класса есть и свои представители искусства. Единственно, чего не могу понять, кто у них кого представляет: «они» отражают их «искусство», или «искусство» отражает их?

[1] См. статью «Как, вы не бывали на Багамах? – Ну, как же, как же,...бывали».

[2] Нынешняя образовательная реформа в России, судя по всему, нацелена на превращение русских в таких «граммеев», о которых я пишу.

Олег Арин

08.05.2007